

УДК 911.3

ГЕОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2019 г. Л. М. Синцеров

Институт географии РАН, Москва, Россия.

e-mail: sintserov@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2018 г.; после доработки 22.09.2018 г.; принята в печать 30.11.2018 г.

Статья посвящена экономико-географическому анализу процессов международной миграции населения в последние десятилетия XX и в начале XXI вв. В работе дан обзор различных точек зрения на проблему датировки современного этапа глобальных миграций. Показано, что только по завершении пространственной реструктуризации миграционных процессов и с переходом к устойчивому росту доли международных мигрантов в населении Земли, начинается современный подъем миграций. На основе статистики ООН выявлены главные источники миграций в страны Западной Европы, а также сдвиги в географической структуре иммиграционного населения региона за прошедшую четверть века. Определены две миграционные волны, направленные в ядро европейского региона с его южной, а затем и с восточной периферии. Описана трансформация структуры населения США, вызванная притоком мигрантов из стран Латинской Америки и Азии. Показано соотношение главных направлений глобальных миграций: Юг–Юг, Юг–Север и т.д. При этом отмечается, что с асинхронностью демографических процессов в регионах мира связана достаточно ограниченная часть международных миграций населения. В статье также рассмотрены денежные переводы мигрантов из развивающихся стран на родину, образующие мощные финансовые потоки, которые по своему масштабу уступают только прямым иностранным инвестициям. Они играют исключительно важную роль в экономике развивающихся стран. Проведенные расчеты показывают, что вклад международных мигрантов в мировую экономику значительно превосходит их долю в населении Земли.

Ключевые слова: международная миграция населения, современная эпоха глобализации, география миграций, демографические процессы, денежные переводы мигрантов.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019231-40>

ВВЕДЕНИЕ

Международные миграции населения, сопровождающиеся перераспределением демографического потенциала, трудовых ресурсов и человеческого капитала, а также расового, этнического и культурного своеобразия между странами и регионами мира, служат одной из ключевых составляющих современного процесса социально-экономической глобализации. “Эрой миграции” называют нынешний – начиная с последней четверти XX в. – период новейшей истории, подчеркивая тем самым особую роль, которую приобрели миграционные процессы в мировом развитии [10].

Около четверти миллиарда человек постоянно проживают сегодня за рубежом, за пределами стран своего рождения – это небывалые прежде массы людей, вовлеченных в переселенческие процессы.

Общая численность международных мигрантов¹ в мире увеличилась с 77 млн в 1960 г. и 84 млн чел. в 1970 г. до 102 млн в 1980 г., 153 млн в 1990 г., 173 млн в 2000 г., 222 млн в 2010 г., 244 млн в 2015 г. и до 258 млн человек в 2017 г. Глобальные миграции последних десятилетий по масштабам, интенсивности и социально-экономическим последствиям “нельзя сравнить ни с чем, кроме массовых миграций в конце XIX и в начале XX столетий” [8, с. 112]. По наиболее оптимистическим оценкам, доля международных мигрантов в населении Земли еще в 1988 г. превысила пик, достигнутый перед

¹ Согласно определению Департамента ООН по народонаселению, к категории “международных мигрантов” относятся лица, проживающие не менее 12 месяцев в стране, отличной от той, где они родились.

началом Первой мировой войны – на гребне предыдущей миграционной волны [11]. По мнению скептиков, этот показатель и сегодня остается примерно на уровне 1910 г. [1].

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ

Начало современного этапа в развитии международных миграций населения одни авторы связывают с окончанием Второй мировой войны [9], другие относят его к середине XX в., а именно к 1950 г. [13]. Третьи убеждены, что нынешний “постиндустриальный период” в истории миграции начинается в 1960-е годы [2, с. 150]. Четвертые полагают, что это произошло еще позднее – только в следующем десятилетии [10].

Оживление миграционного обмена в первые послевоенные годы – условие, конечно же, необходимое, но явно недостаточное для такого рода датировок, как и создание в 1951 г. Международной организации по миграции. Все-таки заметные изменения, связанные с либерализацией иммиграционной политики, произойдут позднее. На это, в частности, обращает внимание П. Коллиер: “На протяжении полувека после начала Первой мировой войны страны держали свои границы закрытыми. Войны и Великая депрессия сделали миграцию затруднительной, а иммигрантов – людьми нежелательными” [5, с. 41].

Миграционное движение – процесс географический по своей природе, поэтому его периодизация неизбежно связана с перестройкой прежних международных и межрегиональных взаимосвязей, с формированием новой пространственной парадигмы глобальных миграций. В качестве поворотной точки отечественные ученые указывали конец 50-х – начало 60-х годов XX в., когда “под влиянием новых факторов география внешних миграций на нашей планете ... резко изменилась; многие традиционные миграционные потоки были нарушены, изменили свои масштабы, возникли новые, нередко противоположенные, миграционные связи” [7, с. 4].

В ходе этих трансформаций страны переселенческого капитализма – США, Канада, Австралия и Новая Зеландия – сохранили привычную специализацию на приеме мигрантов, а вот роль Европы, Латинской Америки и Африки изменилась на диаметрально противоположную. Европа, главный источник мировой эмиграции с конца XVIII в., в 1960–1962 гг. приобрела активный миграционный баланс², что объясняется высокими темпами экономического роста при огра-

ниченности трудовых ресурсов из-за сравнительно низкого естественного прироста населения и людских потерь в годы Второй мировой войны. Одновременно с этим, Латинская Америка и Африка, имевшие положительный баланс миграций за предшествующие сто лет, в связи с бурным ростом населения и увеличивающейся безработицей, а также в силу распада колониальной системы превратились в крупнейшие источники межконтинентальной миграции [7].

В отличие от работ полувековой давности, новейшие исследования показывают, что глобальная реструктуризация миграционных процессов растянулась на сравнительно более продолжительный период и была менее синхронизирована по регионам мира, чем считалось прежде. Согласно подсчетам, проведенным автором по базе данных ООН, Западная Европа, имевшая в 1955–1960 гг. отрицательное миграционное сальдо (–0.6 млн чел.), приобрела в 1960–1965 гг. активный миграционный баланс (+1.3 млн чел.) и стала с тех пор сопоставимым с Северной Америкой центром притяжения мигрантов [23]. Вместе с тем, устойчивый отток населения из Африки наблюдается, как минимум, с 1950 г. В Латинской Америке и странах Карибского бассейна перелом в структуре миграционного баланса наступил со второй половины 50-х годов, когда для региона стала характерна нетто-эмиграция. Десятилетие спустя по этому пути пошла и Зарубежная Азия, которая имеет отрицательное миграционное сальдо с 1965–1970 гг.

Впрочем, трансформационный кризис в системе международных миграций на этом не завершился. Только переход к устойчивому росту численности международных мигрантов в пропорции к населению Земли и преодоление долговременного иммиграционного спада в главном “плавильном котле” мира, в США, окончательно возвестят о подъеме современной волны глобальных миграций. Разразившийся еще во времена Великой депрессии иммиграционный кризис в США достиг своей кульминации в 1970 г., когда доля уроженцев зарубежных стран в населении страны опустилась до исторического минимума (4.7%). Это был самый низкий показатель не только в XX столетии, но и за весь период систематического учета, начиная с середины XIX в. Доля иммигрантов в населении США составляла в 1850 г. 9.7%, в 1860–1920 гг. – колебалась в диапазоне от 13.2 до 14.8%, а затем стала стремительно снижаться: до 11.6% – в 1930 г., 8.8% – в 1940 г., 6.9% – в 1950 г., 5.4% – в 1960 г. и т.д. Спад сопровождался сокращением и абсолютной численности проживающих в США иммигрантов: с 14.2 млн человек в 1930 г. до 9.6 млн иммигрантов в 1970 г.

² На начало 1960-х годов подсчеты были выполнены для капиталистических стран Европы [7].

Начало современной эпохи массовых международных миграций нередко связывают с принятием в 1965 г. в США поправок к закону “Об иммиграции и гражданстве”, отменивших иммиграционные квоты, установленные еще в 1921 г. Так завершился период “рестрикционизма” и “закрытых дверей” в американской истории. Но эффект от изменения законодательства сказался только в следующем десятилетии. Современный рост иммиграционного населения США, с точки зрения абсолютных показателей, начинается с уровня, достигнутого на исходе XIX в., а в относительном измерении – с уровня вдвое ниже, чем был зарегистрирован в середине XIX столетия. Эффект “низкой базы” сыграл едва ли не решающую роль в статистике переселенческого подъема, который переживают США в последние десятилетия.

ИММИГРАЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ В США И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

В значительной мере благодаря массовой миграции из стран Латинской Америки и Азии численность и доля иммигрантов в населении США после 1970 г. стали динамично расти: до 14 млн человек и 6.2% в 1980 г., 19.8 млн и 7.9% в 1990 г., до 31 млн и 11.1% в 2000 г., до 40 млн человек и 12.9% в 2010 г. и до 43.3 млн чел. и 13.5% в 2015 г. (максимально высокая оценка на 2015 г., которая встречается в литературе: 46.6 млн чел. и 14.5%). Развитие иммиграционной ситуации в США являет собой пример так называемого восстановительного роста. Показатель 2015 г. – наиболее высокий и за последние 50, и за прошедшие 100 лет, но он по-прежнему немного уступает уровню 1910 г. (14.7%) или 1890 г. (14.8%). Только после превышения этого уровня можно будет констатировать завершение векового цикла и начало нового этапа в истории иммиграции в США.

С переселенческой волной последних десятилетий связана фундаментальная перестройка расовой и этнической структуры американского общества, не имеющая аналогов в истории страны. Доля белых американцев в населении США сократилась с 85% в 1960 г. до 76% в 1990 г. и 62% в 2015 г. При этом многократно выросла доля испаноязычного населения (Hispanic)³: с 4% в 1960 г. до 9% в 1990 г., и 18% в 2015 г. Традиционная расовая поляризация (“белое большинство” – “черное меньшинство”) оста-

лась в прошлом. Поскольку доля афроамериканцев в населении изменилась незначительно (1960 г. – 10%, 2015 г. – 12%), крупнейшим меньшинством в США с начала нового столетия стала испаноязычная община.

Другой сдвиг, непосредственно затрагивающий структуру человеческого капитала, еще только намечается. Он связан с новейшими изменениями в составе иммиграционного потока. Начиная с 2010 г., среди прибывающих в США мигрантов лидируют выходцы из стран Азии, которые отеснили на второе место испаноязычных уроженцев Латинской Америки. На долю первых приходится 37% всех мигрантов, прибывших в США в 2015 г., на долю вторых – 28%. При этом наиболее многочисленны выходцы из Индии, опередившие в потоке прибывающих мигрантов даже мексиканцев. Согласно долгосрочным прогнозам, к середине нынешнего столетия уроженцы азиатских стран станут крупнейшей группой иммигрантов, проживающих в США, а затем и азиатская община выйдет на третье место в населении страны, превзойдя по численности черных американцев.

Эти количественные сдвиги носят ярко выраженный качественный характер. “Новых” переселенцев отличают высокий образовательный ценз, нацеленность на высокие доходы и карьерный успех. Смена иммиграционной парадигмы является одним из проявлений феномена “brain gain” – “прилива умов”. Если среди белых американцев в возрасте 25 лет и старше 31% закончили колледж или имеют более высокий уровень образования, то по остальным группам населения США соответствующий показатель составляет: 13% – среди черных, 18% – среди латиноамериканцев и 49% – среди американцев азиатского происхождения. При этом среди проживающих в США иностранных ученых и инженеров, имеющих степень доктора (PhD), 56% составляют выходцы из Азии – индийцы, китайцы, филиппинцы и др.

Качество человеческого капитала отражается на величине медианного дохода домохозяйств: у белых американцев он составляет 54 тыс. долл. в год, у черных – 33 тыс. долл., у жителей США латиноамериканского происхождения – 40 тыс. долл., а у американцев азиатского происхождения – 66 тыс. долл. в год. Столь явная поляризация двух диаспор, двух главных миграционных потоков (из Азии и из Латинской Америки) вызвана тем, что наибольшим спросом в США пользуется иностранная рабочая сила как самой высокой, так и самой низкой квалификации.

Итак, впервые в истории Азия стала главным “поставщиком” мигрантов в США. Важную роль в этом сыграли не только потребности

³ К категории “испаноязычного” населения (Hispanic) американская статистика относит выходцев из стран Латинской Америки, где испанский язык является государственным, и их потомков. Они не входят в категорию “белого населения”, а выделены в отдельную группу.

американского рынка труда, но и меры по противодействию незаконной иммиграции, которые де-факто были направлены, главным образом, против латиноамериканцев. Достаточно сказать, что среди выходцев из стран Латинской Америки, проживающих в США, доля нелегальных иммигрантов составляет 45%, тогда как среди азиатских иммигрантов она не превышает 13–15%. Американцы азиатского происхождения являются сегодня наиболее быстрорастущей группой в иммигрантском населении США, хотя до лидерства им еще далеко. Среди 43.3 млн иммигрантов, проживавших в 2015 г. в США, доля уроженцев Латинской Америки составляла 51% (включая 47% латиноамериканцев, для которых родным языком является испанский), а доля выходцев из стран Азии – только 30%.

РАСПАД ГОСУДАРСТВ И РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ

Всемирная “нация мигрантов” растет не только благодаря движению переселенцев из одной страны в другую. В начале 90-х годов численность международных мигрантов скачкообразно увеличилась, причина тому – изменения на политической карте мира. С распадом СССР (конец 1991 г.), Югославии (решающая фаза – 1991–1992 гг., когда от СФРЮ отделились четыре из шести союзных республик) и Чехословакии (начало 1993 г.) внутренние миграции, связанные с перемещением людей из одной союзной республики на постоянное жительство в другую, в одночасье трансформировались в миграции международные. Важно отметить, что касалось это не только текущих потоков, но и миллионов людей, ставших внутренними мигрантами за минувшие десятилетия, статус которых изменился на “международный” в результате превращения союзных республик в самостоятельные государства.

По оценкам экспертов ООН, к началу 1990-х годов на территории СССР насчитывалось 27 млн внутренних мигрантов, которые в дальнейшем, в связи с распадом Союза, автоматически – без пересечения государственных границ и изменения места жительства – пополнили ряды международных мигрантов [22]. Согласно расчетам, проведенным автором по базе данных Департамента ООН по экономическому и социальному развитию [16], с образованием на месте Советского Союза 15 новых независимых государств в мире появилось 28 млн международных мигрантов и на порядок меньше – по причине распада Югославии и Чехословакии.

Таким образом, охватившие Старый Свет геополитические трансформации обеспечили несколько более половины общего увеличения чис-

ленности международных мигрантов в мире за период 1985–1995 гг. С распадом бывшего СССР возникла Евразийская миграционная система, в то время практически равная по своим размерам Североамериканской: в 1990 г. в США и Канаде проживали 27.6 млн международных мигрантов.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Специфическая особенность современных трансграничных миграций – их развитие в условиях демографического взрыва в одних странах и завершившегося демографического перехода – в других, где приток мигрантов из-за рубежа нередко имеет критическое значение для воспроизводства населения. Наибольшей остроты демографический кризис достиг в Западной Европе, создав уникальные условия для притока мигрантов. Если в 1981–1983 гг. сальдо миграций служило источником 11.6% роста населения в Западной Европе, а естественный прирост – 88.4%, то в 1990-е годы ситуация радикально изменилась – международная миграция становится основным фактором роста населения стран Западной Европы [6]. В новом столетии она обеспечивает более 3/4 его общего прироста.

Следует отметить повсеместный характер указанного явления: если в начале 1970-х годов только в ФРГ и Австрии положительный миграционный баланс превышал естественный прирост населения, а во второй половине 1980-х годов так обстояло дело уже в шести странах (ФРГ, Австрия, Швейцария, Швеция, Италия, Греция), то в 2000-е годы почти во всех странах Западной Европы сальдо внешних миграций превышает показатели естественного прироста. В условиях низкой рождаемости и быстро стареющего населения перед Западной Европой стоит альтернатива: постоянный приток мигрантов или депопуляция.

Проведенные автором расчеты, выполненные на основе данных ООН [16], показывают, что численность международных мигрантов, проживающих в странах Западной Европы, в целом за период 1990–2015 гг. выросла с 24.7 до 53.7 млн человек. Вопреки ожиданиям, европейцы как были, так и остаются наиболее массовой категорией иммигрантов: в 1990 г. – 49.3%, в 2015 г. – 49%. Совсем немного им уступают выходцы из развивающихся стран Зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки: в 1990 г. – 46.6%, в 2015 г. – 48%. Таким образом, главными особенностями нынешнего миграционного подъема в Западной Европе являются, во-первых, его географическая дихотомия и, во-вторых, инвариантный характер базовых пропорций.

Важно отметить, что прошедшая за четверть века реструктуризация затронула исключительно потоки европейской миграции. Среди международных мигрантов, проживающих в странах Западной Европы, резко сократилась доля выходцев из других стран Западной Европы – с 36.4% в 1990 г. до 22.6% в 2015 г., а доля выходцев из стран Центральной и Восточной Европы, наоборот, удвоилась – 12.9% в 1990 г. и 26.4% в 2015 г. В результате структурного замещения совокупная доля европейцев в иммиграционном населении Западной Европы практически не изменилась. С падением “железного занавеса” мощная миграционная волна хлынула из бывших социалистических стран, и к 2015 г. в Западной Европе проживало ~14.2 млн уроженцев стран Центральной и Восточной Европы, включая Россию. Особенно сильно (с 6.4% в 1990 г. до 17% в 2015 г.) увеличилась доля мигрантов, прибывших из тех стран Центральной и Восточной Европы, которые вошли за рассматриваемый период в состав Евросоюза.

Как изменился Дух времени, пресловутый *Zeitgeist!* Сравнительно недавно по историческим меркам – на заре европейской интеграции – перспективы воссоздания “общего рынка” рабочей силы, существовавшего в Европе в конце XIX в. и вплоть до начала Первой мировой войны, оценивались весьма скептически. Вот что писали авторы солидного исследования, посвященного проблемам международной миграции населения и опубликованного в 1958 г., когда вступил в силу договор о создании Европейского экономического сообщества: “Даже в случае полной интеграции крайне маловероятно, что внутриевропейские миграции достигнут такого размаха, который был характерен для периода до 1913 г... Этот период времени часто приводят в качестве образца в сравнении с которым следует оценивать достижения европейской интеграции, однако слишком многое изменилось с той поры” [12, р. 243–244].

И все-таки вековой исторический цикл завершился восстановлением статус-кво⁴ – по Европе снова можно ездить без паспортов и виз, а масштабы трансграничной мобильности и ее экономический эффект сегодня даже выше, чем в период до августа 1914 г. По сравнению с 1910–1911 гг. доля международных мигрантов в населении к 2015 г. выросла в Германии – с 1.9 до 14.9%, во Франции – с 3 до 12.1%, в Великобритании – с 0.9 до 13.2%, в Дании – с 3.1 до 10.1%, в Норвегии – с 2.3 до 14.2%,

в Швеции – с 0.9 до 16.8%, в Швейцарии – с 12 до 29% и в Люксембурге – с 15 до 44%. При этом если до Первой мировой войны подавляющее большинство мигрантов прибывало из других стран Европы, то сегодня доля европейцев среди иммигрантов составляет: в Германии – 59%, во Франции – 34%, в Великобритании – 36%, в Дании – 47%, в Норвегии – 55%, в Швеции – 44%, в Швейцарии – 73% и в Люксембурге – 97%.

Поступательное развитие региональной интеграции принесло свои плоды: в начале XXI в. в зарубежной Европе возникло огромное социально-экономическое и геополитическое пространство, население которого в праве не только свободно пересекать государственные границы, но может жить, учиться и работать в любой стране, являющейся его составной частью. В известном смысле это открытие границ представляет собой возврат в прошлое. Вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г. пограничный контроль здесь фактически отсутствовал, не было и ограничений на перемещение рабочей силы по просторам Европы [17].

Большая миграционная волна Восток-Запад, высоко поднявшаяся за последнюю четверть века, не первая в послевоенной истории Старого Света, а уже вторая по счету, направленная в центр с европейской периферии. Первая волна охватывает 1950-е, 1960-е и начало 1970-х годов, ее вектор был ориентирован с Юга на Север: из отстающих в экономическом развитии Италии, Испании, Греции и Португалии – во Францию, Германию, Швейцарию и страны Бенилюкса. Миграционный баланс за 1950–1959 гг. составил –2.9 млн, за 1960–1969 гг. – еще 3.1 млн человек [19].

Успехи догоняющего развития привели к упадку этой миграционной волны. Во всей Западной Европе именно страны Юга на протяжении десятилетий демонстрировали наиболее высокие среднегодовые показатели экономического роста в расчете на душу населения: Италия – 5.9% (1945–1975 гг.), Испания – 4.9% (1949–1980 гг.), Португалия – 4.6% (1950–1980 гг.), Греция – 7.3% (1945–1975 гг.). В результате, заметно уменьшился разрыв в доходах между Средиземноморским флангом и ядром Западной Европы, где в то же самое время на рынок труда вышло поколение послевоенного бэби-бума и предложение рабочей силы возросло. Стерлись и политические грани. Революция гвоздик в Португалии и крах режима черных полковников в Греции (1974 г.), смерть Ф. Франко и восстановление власти Бурбонов в Испании (1975 г.) дали толчок процессам модернизации, привели к широкой демократизации общественной жизни. Довершил дело наиболее

⁴ Причем “статус-кво” был восстановлен в полном соответствии с оригинальным латинским изречением: *status quo ante bellum* – “положение, бывшее до войны” (сокращенно – *status quo*).

глубокий со времен окончания Второй мировой войны экономический кризис 1974–1975 гг. Рост безработицы привел к сокращению импорта рабочей силы в передовые страны Западной Европы и даже высылке части иностранных рабочих – потоки мигрантов потекли вспять. В 1980-е годы значение реэмиграции в страны западноевропейского Юга только растет.

На исходе XX в. в Западной Европе завершилась смена миграционного режима, растянувшаяся на целую историческую эпоху. Сальдо внешних миграций повсеместно поменяло знак с “минуса” на “плюс”. Известный российский географ А.Е. Слукa в 2000 г. констатировал, что “все страны Западной Европы сегодня имеют позитивное сальдо миграций” [6, с. 98].

Массовая иммиграция в Западную Европу – явление сравнительно новое, которое возникло после окончания Второй мировой войны, хотя процесс превращения западноевропейских стран в страны “чистой” иммиграции уходит корнями в более отдаленное прошлое. Он начался еще в конце XIX в. с Франции и Швейцарии. Как отмечает Б.Н. Зимин, “именно Швейцария впервые показала тот тип сочетания собственных и иностранных трудовых ресурсов, который впоследствии приняли как основную модель почти все высокоразвитые страны...” [4, с. 41–42]. В дальнейшем ряды стран нетто-иммиграции пополнили: Швеция – в 1930-е, Германия – в начале 1960-х годов, Нидерланды, Австрия и Дания – в 1965 г., Норвегия – в 1970 г., Италия – в 1972 г., Греция – в 1975 г., Великобритания – в 1994 г., Испания и Португалия – в 1995 г., Ирландия – в 1996 г. Потребовалось более 30 лет, чтобы в ставшей преимущественно “импортером” мигрантов Западной Европе, каждая страна в отдельности приобрела положительный миграционный баланс.

ВАЖНЕЙШИЕ ВЕКТОРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ

Тот факт, что во многих странах Запада значительную или даже основную массу иммигрантов составляют выходцы из стран третьего мира, вовсе не означает, что и в мировом масштабе главный и доминирующий миграционный поток направлен из развивающихся регионов (Юг) в развитые (Север), при известной условности такого деления.⁵ Реальная картина

⁵ Согласно классификации, принятой в изданиях ООН, которой мы следуем в этой работе, к “глобальному Северу” (“Север”) – отнесены все страны Европы, включая Россию, а также США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Япония; к “глобальному Югу” (“Юг”) – отнесены все остальные страны и регионы мира.

намного сложнее. Действительно, подавляющая часть всех международных мигрантов – уроженцы глобального Юга, который является главным источником миграций. Но при этом только около половины из них проживает на глобальном Севере, а другая половина – на глобальном Юге. Подобная географическая дихотомия сложилась сравнительно недавно благодаря тому, что миграция Юг–Север, развиваясь с удвоенной силой, в конце XX – начале XXI вв. стала едва ли не главным драйвером глобальных миграционных процессов. А ведь еще в 1990 г. расстановка сил была существенно иной: миграция Юг–Юг явно доминировала и количественно в 1.5 раза превосходила миграцию Юг–Север [14].

Возникает вопрос: какая часть международных миграций населения непосредственно связана с асинхронностью демографических процессов в регионах мира? Статистика ООН указывает на то, что в современном мире только 35% международных мигрантов происходят из стран, переживающих демографический взрыв (Юг), и проживают в странах с завершившимся демографическим переходом (Север) [14]. При этом подавляющее большинство международных миграций (65%) непосредственно не связано с асинхронностью демографического перехода: это миграции Юг–Юг (37%), Север–Север (23%) и Север–Юг (5%).

Все страны и регионы мира так или иначе участвуют в глобальном миграционном процессе, одновременно выступая и в качестве “экспортеров”, и в качестве “импортеров” мигрантов. Такого рода миграционные обмены носят, как правило, неэквивалентный характер и сопровождаются сдвигами в размещении населения в мировом масштабе. За период 1970–2015 гг. в результате превышения эмиграции над иммиграцией “чистый” отток населения из Азии (43.3 млн чел.), Африки (21.2 млн чел.), Латинской Америки и стран Карибского бассейна (32.1 млн чел.) в совокупности составил 96.6 млн человек, которые пополнили население Северной Америки (49.9 млн чел.), Европы (41.7 млн чел.), Австралии и Океании (5.0 млн чел.), имеющих положительный миграционный баланс.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Международная миграция населения приводит к перераспределению финансовых ресурсов между богатыми и бедными регионами мира. Денежные переводы мигрантов своим родственникам на родину служат вторым по значимости источником внешнего финансирования для развивающихся стран. Они втрое превосходят раз-

меры официальной помощи в целях развития, достигают 60–65% притока прямых иностранных инвестиций, а также превышают импорт капитала в форме частных кредитов и портфельных инвестиций. Если же из числа развивающихся стран исключить Китай, то денежные переводы выйдут на первое место среди всех источников их внешнего финансирования [18].

В отличие от развитых стран Запада, миграционные процессы важны для развивающихся стран не столько демографически, сколько экономически. Общие размеры официально зарегистрированных денежных переводов, поступивших в развивающиеся страны в 2016 г., составили ~441 млрд долл. США. При этом масштабы неучтенных денежных переводов, поступающих по неофициальным каналам, очень велики. Так, в Непал, Бангладеш и Пакистан 60% денежных переводов поступает по официальным каналам, а 40% – по неофициальным. В ряде африканских стран (Уганда, Судан) доля неофициальных переводов достигает 80%. В целом же, по имеющимся оценкам, учет неформальных потоков привел бы к увеличению общей суммы денежных переводов в Африку примерно на 50%.

Благодаря направляемым на родину финансовым ресурсам эмиграция выступает в качестве “инструмента развития” в стране исхода. В Мексике денежные переводы проживающих за рубежом соотечественников традиционно служили вторым по значимости источником валютных поступлений, опережая иностранный туризм и уступая только экспорту нефти. В 2015 г. впервые в истории страны они превысили доходы от нефтяного экспорта и вышли на первое место. В Марокко переводы эмигрантов значительно превосходят как приток в страну прямых иностранных инвестиций, так и доходы от вывоза фосфатов – главного экспортного товара страны. В Индии переводы соотечественников, проживающих в других странах, приносят больше дохода, чем высокотехнологичный ИТ-экспорт. Для Непала они являются главным источником иностранной валюты, более важным, чем въездной туризм или внешняя торговля. Наряду с экспортом одежды, денежные переводы эмигрантов служат основным каналом валютных поступлений для Бангладеш, в Пакистане они уступают только совокупному товарному экспорту, на Фиджи – туризму, а на Филиппинах – служат важнейшим источником

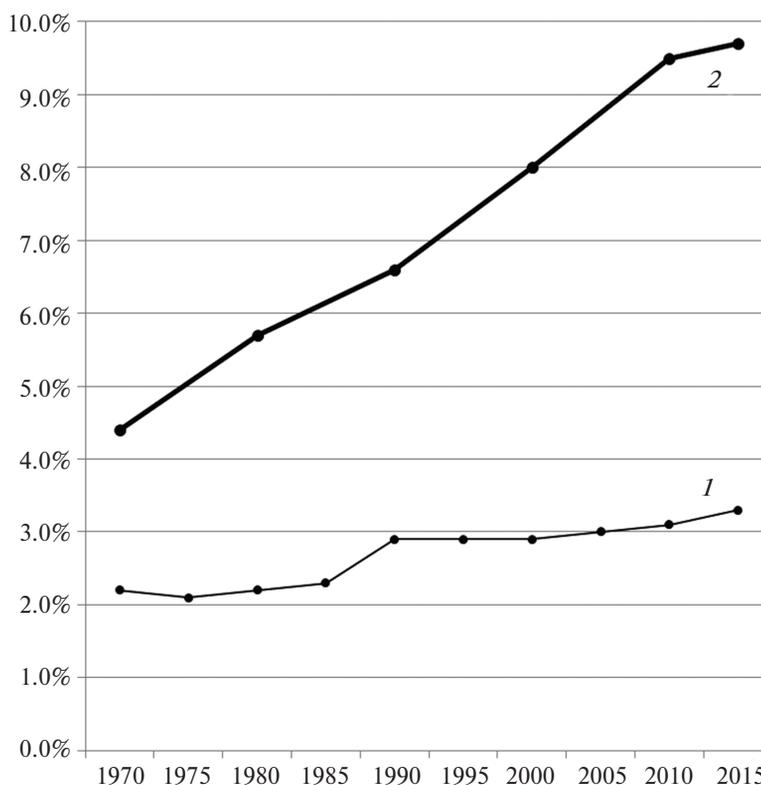

Рисунок. Международные мигранты в современном мире, 1970–2015 гг.

1 – доля международных мигрантов в населении Земли (источник: [15]);

2 – часть валового мирового продукта, которая приходится на долю международных мигрантов (рассчитано автором по: [15, 20]).

иностранной валюты для национальной экономики.

Миграция из одной страны в другую — наиболее радикальный способ повышения производительности труда, уровня и качества жизни, для достижения которого в стране исхода, даже при благоприятном сценарии развития национальной экономики, потребовались бы не просто годы, но часто многие десятилетия [5]. Неудивительно, что переселение десятков и сотен миллионов людей в зарубежные страны, которое сопровождается ростом зарплат и производимой ими добавленной стоимости, вносит заметный вклад в валовой мировой продукт, служит одним из драйверов экономического роста в мире. По данным McKinsey Global Institute, в 2015 г. вклад международных мигрантов в глобальный ВВП составил 9,4%, то есть 6,7 трлн долл. США. Это на 2,7–3,2 трлн долл. больше, чем они бы произвели, оставшись у себя на родине, в стране исхода (для сравнения: в 2015 г. ВВП Великобритании составил 2,8 трлн долл., Германии — 3,4 трлн долл. США). Иными словами, миграции населения из одной страны в другую повысили глобальный ВВП на ~4% по сравнению с миром без международных миграций [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доля международных мигрантов в населении нашей планеты, сократившись с 2,2% в 1970 г. до 2,1% в 1975 г., во второй половине 70-х годов вступила в стадию сравнительно устойчивого роста и составила: 2,2% в 1980 г., 2,3% в 1985 г., 2,9% в 1990 г., а также в 1995 г. и в 2000 г., 3% в 2005 г., 3,1% в 2010 г., 3,3% в 2015 г. и 3,4% в 2017 г. (рисунок). Прогресс довольно скромный по сравнению с внешней торговлей и зарубежными инвестициями. Причина этого заключается в том, что политика большинства государств направлена на ограничение, а не на содействие иммиграции. Нет и международных организаций подобных ВТО, нацеленных на снижение миграционных барьеров.

Возникает вопрос: насколько вырос вклад международных мигрантов в мировую экономику? В докладе экспертов ООН указывается, что "...увеличение населения на 1% в связи с миграцией повышает ВВП на 1%" [3, с. 84]. Опираясь на это соотношение, в своей реконструкции мы исходим из того, что "вклад" мигрантов в ВВП каждой страны можно считать (с известной долей условности) тождественным их доле в ее населении. Проведенные автором расчеты показывают, что на долю международных мигрантов в 1970 г. приходилось 4,4%, в 1980 г. — 5,7%, в 1990 г. — 6,6%, в 2000 г. — 8%,

в 2010 г. — 9,5% и в 2015 г. — 9,7% валового мирового продукта (см. рисунок). Тот факт, что полученные нами на 2015 г. результаты минимально отличаются от данных McKinsey Global Institute, приведенных выше, свидетельствует о корректности выбранной методики. Таким образом, как показывают проведенные исследования, если за 1970–2015 гг. доля международных мигрантов в населении Земли выросла в 1,5 раза, то их вклад в глобальный ВВП увеличился в 2,2 раза. В мировом масштабе экономический эффект международных миграций, накопленный к 2015 г., в 2,8–2,9 раза выше эффекта демографического, определяемого долей мигрантов в населении нашей планеты, и этот разрыв продолжает нарастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гемават П.* Мир 3.0. Глобальная интеграция без барьеров. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 386 с.
2. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Пер. с англ. М.: Изд-во "Весь мир", 2009. 384 с.
3. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. Пер. с англ. М.: Изд-во "Весь мир", 2009. 232 с.
4. *Зимин Б.Н.* Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. М.: Альфа-М, 2003. 176 с.
5. *Коллиер П.* Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.
6. *Слука А.Е.* Демографические проблемы Западной Европы // Современная Европа. 2000. № 4. С. 93–99.
7. *Слука А.Е.* Основные особенности современных международных миграций населения капиталистического мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1966. № 6. С. 3–10.
8. *Туроу Л.К.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Пер. с англ. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 432 с.
9. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Пerratон Дж.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. Пер. с англ. М.: Праксис, 2004. 576 с.
10. *Castles S., H. de Haas, Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. NY, 2014. 401 p.
11. *Chandy L., Seidel B.* Is Globalization's Second Wave About to Break? / Global Views. № 4. Washington: Brookings Institution, 2016. 22 p.

12. Economics of International Migration. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association / B.Thomas (Ed.). London, 1958. 502 p.
13. Hatton T.J., Williamson J.G. The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact. NY, Oxford, 1998. 301 p.
14. International Migration Report 2015. Highlights. NY: UN, 2016. 36 p.
15. International Migrants by Country of Destination, 1960–2015. URL. <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/international-migrants-country-destination-1960-2015> (Дата обращения: 15.12.2017).
16. International migrant stock by destination and origin / United Nations DESA. Population Division. URL. <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (Дата обращения: 20.12.2017).
17. Koikkalainen S. Free Movement in Europe: Past and Present / Migration Policy Institute. April 21, 2011. URL. <https://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-europe-past-and-present> (Дата обращения: 18.12.2017).
18. Migration and Remittances Factbook 2016. Washington: World Bank Group, 2016. 299 p.
19. Mynz R. Where did they all come from? Typology and geography of European mass migration in the twentieth century / European Population Conference. Milano, 4–8 Settembre 1995. URL. <http://www.un.org/popin/confcon/milan/plen3/3rdplen.html> (Дата обращения: 10.11.2017).
20. National Accounts Main Aggregates Database. UN Statistics Division. URL. <https://unstats.un.org/unsd/snaama/dnllist.asp> (Дата обращения: 05.12.2017).
21. People on the move: Global migration's impact and opportunity. Executive summary. McKinsey Global Institute, December 2016. URL. <http://www.cisan.unam.mx/avisos/materialesIOM/MGI-People-on-the-Move-Executive-summary-December-2016.pdf> (Дата обращения: 14.12.2017).
22. Trends in total migrant stock: The 2005 revision. CD-ROM documentation. NY: United Nations, 2006.
23. World Population Prospects: The 2012 Revision. DVD Edition. NY: United Nations, 2013.
3. *Human Development Report 2009. Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. New York: UNDP, 2009. 217 p.
4. Zimin B.N. *Razmeshchenie proizvodstva v rynochnoi srede* [Location of Production in the Market Environment], Gorkin A.P., Lipets Y.G., Eds. Moscow: Alfa-M Publ., 2003. 176 p.
5. Collier P. *Exodus: How Migration is Changing Our World*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 232 p.
6. Sluka A.E. Demographic problems of Western Europe. *Sovremennaya Evropa*, 2000, no. 4, pp. 93–99. (In Russ.).
7. Sluka A.E. Main features of the modern international migration in the capitalist world. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 1966, no. 6, pp. 3–10. (In Russ.).
8. Thurow L.C. *The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*. New York: W. Morrow, 1999. 432 p.
9. Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics, and Culture*. Stanford University Press, 2004. 576 p.
10. Castles S., H. de Haas, Miller M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York, 2014. 401 p.
11. Chandy L., Seidel B. *Is Globalization's Second Wave About to Break?* Washington: Brookings Institution. Global Views, no. 4, 2016. 22 p.
12. *Economics of International Migration*. Proceedings of a Conference held by the International Economic Association. Thomas B., Ed. London, 1958. 502 p.
13. Hatton T.J., Williamson J.G. *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. New York, Oxford, 1998. 301 p.
14. *International Migration Report 2015. Highlights*. New York: UN, 2016. 36 p.
15. International Migrants by Country of Destination, 1960–2015. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/international-migrants-country-destination-1960-2015> (accessed 15.12.2017).
16. International Migrant Stock by Destination and Origin. United Nations DESA. Population Division. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (accessed 20.12.2017).
17. Koikkalainen S. *Free Movement in Europe: Past and Present*. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2011. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-europe-past-and-present> (accessed 18.12.2017).
18. *Migration and Remittances Factbook 2016*. Washington: World Bank Group, 2016. 299 p.
19. Mynz R. Where did they all come from? Typology and geography of European mass migration in the twentieth century. *Eur. Population Conf.*, Milan, 1995. Available at: <http://www.un.org/popin/confcon/milan/plen3/3rdplen.html> (accessed 10.11.2017).

REFERENCES

1. Ghemawat P. *World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It*. Boston: Harvard Business Review Press, 2011. 386 p.
2. *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. World Bank, 2009. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (accessed 14.01.2019).

20. National Accounts Main Aggregates Database. UN Statistics Division. Available at: <https://unstats.un.org/unsd/snaama/dnllist.asp> (accessed 5.12.2017).
21. *People on the Move: Global Migration's Impact and Opportunity. Executive Summary.* McKinsey Global Institute, 2016. Available at: <http://www.cisan.unam.mx/avisos/materialesIOM/MGI-People-on-the-Move-Executive-summary-December-2016.pdf> (accessed 14.12.2017).
22. *Trends in Total Migrant Stock: The 2005 Revision.* CD-ROM documentation. New York: United Nations, 2006.
23. *World Population Prospects: The 2012 Revision.* DVD Edition. New York: United Nations, 2013.

Geography of International Migration in the Modern Age of Globalization

L. M. Sintserov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: sintserov@mail.ru

Received January 15, 2018; revised September 22, 2018; accepted November 30, 2018

The article deals with international migration during the last decades of the 20th and at the beginning of the 21st centuries and its economic-geographical analysis. The paper provides an overview of opinions about the dating of the contemporary era of global migration. It is shown that only after completion of spatial restructuring of migration processes and with the transition to sustainable growth of the share of international migrants in the world population, the modern increase of migration begins. On the basis of the UN statistics the main sources of migrants to the countries of Western Europe have been determined as well as shifts in the geographical structure of migrant population of the region that have taken place in the last quarter of a century. Two migration waves directed to the core of the European region from its southern and then from the eastern periphery are determined. The transformation of the USA population structure caused by the migration inflow from Latin America and Asia is described. The ratio of the main directions of global migration is shown: South-South, South-North, etc. At the same time, it is noted that a rather limited part of international migrations is associated with the asynchrony of demographic processes in the regions of the world. The article also discusses the remittances of migrants from developing countries to their homeland, forming powerful financial flows, which are second only to foreign direct investment. They play an especially important role in the economies of developing countries. The calculations show that the contribution of international migrants to the world economy far exceeds their share in the world population.

Keywords: international migration, the modern age of globalization, geography of migration, demographic processes, remittances.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019231-40>